

Р.Ф. Туровский

Национальный
исследовательский
университет «Высшая
школа экономики»

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА НА ГЕОГРАФИЮ ГОЛОСОВАНИЙ В РОССИИ И ДРУГИХ ПОСТКОММУНИСТИ- ЧЕСКИХ СТРАНАХ¹

Развитие авторитарных черт политического режима в 2000-е годы с одновременным формированием партийной системы с доминирующей партией привело к упрощению структуры электорального пространства и сглаживанию межрегиональных различий при одновременном формировании высокого и практически повсеместного уровня политической лояльности. Однако на региональном уровне после думских выборов 2011 г. наблюдается новое увеличение территориального разнообразия.

На уровне партийной системы по итогам думских выборов 2011 г. нельзя не отметить новый рост ее структурной сложности. Парадокс состоит в том, что эти выборы послужили формальным основанием для того, чтобы признать российскую партийную систему системой с доминирующей партией, поскольку «Единая Россия» третий раз подряд завоевала большинство в Государственной Думе (если следовать критериям Дж. Сартори). Но в то же самое время обозначилась тенденция к снижению ее популярности, а политическое руководство страны стало дистанцироваться от «Единой России», уменьшая и без того ограниченное ее значение.

Динамика эффективного числа электоральных партий, показывающая меняющуюся структуру избирательских предпочтений, дает основания говорить о новом изменении ситуации. По нашим расчетам эффективного числа партий (ЭЧП) по Х. Молинару [Molinar, 1991], этот показатель составил по итогам декабрьских выборов 2011 г. 1,71, существенно превысив показатель

---

¹ Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ по теме «Структурный анализ региональных политических режимов и электоральных пространств», реализуемой Лабораторией региональных политических исследований.

2007 г. (1,14) и свидетельствуя о растущей поляризации электоральных предпочтений по линии «власть — оппозиция», хотя ЭЧП оказалось все равно меньше, чем на выборах 2003 г. (2,3), не говоря уже о выборах 1990-х годов, когда оно превышало 5 (5,68 в 1993 г., 5,98 в 1995 г. и 5,07 в 1999 г.). Поляризация электоральных предпочтений остается умеренной, и можно говорить о ее росте, не приводящем на данном этапе к качественным изменениям.

Для настоящей работы наибольшее значение имеют изменения в электоральной географии. Они показывают, что для электорального пространства становится характерным повышение его волатильности, отмечающее кризис системы электорального авторитаризма, созданной к выборам 2007 г. [Голосов, 2008; Schedler, 2006]. Отчасти на эту ситуацию повлияли, на наш взгляд, режимные изменения в сторону деконцентрации власти в связи с созданием «тандемократии». Россия с точки зрения гомогенности электорального пространства и упрощения структуры партийной системы не достигла уровня Казахстана. В то же время уровень конкурентности существенно ниже, чем на Украине, в Молдове [Turovsky, 2010].

Важным является вопрос о формировании общенациональных партий, имеющих ровную поддержку на территории страны. Этот процесс, известный как процесс национализации партийной системы, свидетельствовал бы о повышении ее зрелости [Jones, Mainwaring, 2003]. Режимные изменения 2000-х годов благоприятствовали формированию крупных общенациональных партий в целом, хотя и имели в виду одну такую партию. Тем не менее запрет на региональные партии и отмена участия региональных блоков в выборах, по сути, означали стремление центральной власти ускорить и облегчить процесс национализации партийной системы. В этом процессе Россия стала сильно отличаться от Украины, где все партии имеют региональную базу поддержки, и география голосований отличается наивысшей для СНГ степенью неоднородности (в 1990-е годы Россия не очень отличалась от Украины).

Снижение региональной неоднородности стало характерным для выборов 2007 г., ознаменовавших реализацию этой тенденции в полной мере и превращение России в один из образцов электорального авторитаризма (хотя и не в такой степени, как Казахстан). Для 2011 г. наши расчеты коэффициентов вариации дают основание утверждать, что устойчивость и однородность электорального пространства снижаются (рассчитывались коэффициенты вариации для голосования за каждую партию по территориям на основе процентных показателей такого голосования от активных избирателей).

Наиболее явной тенденцией стало увеличение территориального разнообразия при голосовании за «партию власти». Коэффициент вариации для голосования за «Единую Россию» возрос до 0,34, превывсив показатель не только 2007 г. (0,17), но и 2003 г. (0,29). Интересно, что данный коэффициент

совпал по своему значению с результатом «Единства» в 1999 г. Обозначилась поляризация электорального пространства с выделением полностью лояльных и более оппозиционных территорий. Правда, география голосования за «Единую Россию» выглядит гораздо более равномерной, если сравнивать с голосованием за НДР в 1995 г. и ОВР в 1999 г., поддержка которых была очень сильно локализована в очагах «управляемого» голосования (коэффициенты вариации для них были очень высокими — 0,73 для НДР и 1,11 для ОВР).

Две наиболее крупные партии — «Единая Россия» и КПРФ — имеют идентичный уровень территориальной вариации своей поддержки. У КПРФ этот показатель чуть-чуть, но незначительно ниже (0,33), т.е. с формальной точки зрения коммунисты имеют сейчас наиболее ровную территориальную поддержку. В отношении КПРФ, в отличие от «Единой России», следует отметить, что данный уровень регионального разнообразия возник у нее давно и не меняется с выборов 1999 г. (0,34 в 1999 г., 0,33 в 2003 г., 0,35 в 2007 г.). На выборах 1995 г. электоральное пространство было гораздо более поляризованным в отношении КПРФ (коэффициент составлял 0,44), в 1993 г. данный показатель был еще выше.

Интересно, что другая «старая» партия, ЛДПР, напротив, начинает отличаться растущей неравномерностью территориальной поддержки, что может свидетельствовать и о неустойчивости ее нынешнего электората. Более ровный уровень поддержки сложился у этой партии во время кампаний 1999 и 2003 гг. (0,36 и 0,35 соответственно), тогда как в 1995 г. он составлял 0,40. Но после 2003 г. отмечается медленный рост региональной вариативности голосования за ЛДПР, когда коэффициент вариации достигает 0,41 в 2007 г. и 0,43 в 2011 г. Иными словами, уровень региональной дифференциации от хорошо выраженного среднего начинает приближаться к высокому (высоким на основании своих эмпирических исследований мы считаем показатель более 0,5).

Неудивительно, что из всех парламентских партий «Справедливая Россия» отличается наибольшей вариативностью. Причем ее уровень, если и меняется, то в сторону небольшого роста: в 2007 г. коэффициент составил 0,45, в 2011 г. — 0,47.

Итак, анализ территориального разнообразия голосования за ведущие российские партии показывает, что тренд в сторону национализации партийной системы, сформированной ныне действующими партиями в 2004–2008 гг., оказался обратимым. Только КПРФ вышла в 2000-е годы на относительно равномерные показатели электоральной поддержки. В отношении остальных партий наблюдаются противоположные тенденции, ярко выраженные в случае «Единой России» и ведущие к появлению зон нелояльности, противостоящих зонам «управляемого» голосования. Весьма неравномерной

является региональная поддержка ЛДПР и «Справедливой России», где отмечается слабая тенденция в пользу роста неравномерности.

В связи с этим не только структура партийной системы в целом, но и ее география становится более поляризованной. Об этом свидетельствует отрицательная корреляция между голосованием за «Единую Россию» и за остальные партии, т.е. страна как будто раскалывается (в тенденции, по крайней мере) на две половины. Наши расчеты коэффициента корреляции в региональном разрезе по итогам думских выборов 2011 г. показывают, что голосование за «Единую Россию» в регионах отрицательно коррелирует с голосованием за «Справедливую Россию» (-0,85), ЛДПР (-0,85) и КПРФ (-0,81). В то же время голосование за оппозиционные партии лишь частично коррелирует друг с другом, что свидетельствует о наличии у каждой из них территорий с более выраженной поддержкой и разнообразии форм оппозиционного голосования в регионах. Причем чуть лучше коррелирует голосование за ЛДПР и «Справедливую Россию» (+0,61), в то время как КПРФ более обособлена в географическом пространстве (корреляция с ЛДПР +0,57, со «Справедливой Россией» +0,51), а голосование за нее чаще пересекается географически с повышенным голосованием за «Единую Россию».

Растущая географическая поляризация электорального пространства сочетается с формированием его относительно новой структуры, которая существенно отличается от структуры 1990-х годов, что нельзя не связать с трансформацией политического режима и изменением его идеологии, усилением патерналистских и консервативных тенденций, обращенных, по сути, к электорату, который был в оппозиции в 1990-х годов. Наиболее характерной является тенденция к формированию новой электоральной географии КПРФ. Расчеты коэффициента корреляции голосования в разрезе регионов за данную партию на выборах разных лет позволяют говорить о постепенной трансформации этой географии (расчеты проводились для нынешнего списка из 83 субъектов Федерации с соответствующим пересчетом данных за те годы, когда их было больше). С выборами 1995 г. связь является мало значимой — всего +0,18, с 1999 г. — она несколько выше (+0,27). Фактически география голосования за КПРФ складывается в 2000-е годы, о чем свидетельствуют корреляции с выборами 2003 г. (+0,53) и 2007 г. (+0,77). Следовательно, нынешнее голосование за КПРФ является феноменом 2000-х годов, и электорат партии существенно обновился социально и географически.

Нынешняя география голосования за ЛДПР стала складываться раньше и не так сильно отличается от 1990-х годов, как география голосования за КПРФ. Корреляция с выборами 1995 г. составляет +0,52, 1999 г. — +0,82, 2003 г. — +0,88 и 2007 г. — +0,91. Можно сказать, что эта география возникла на один избирательный цикл раньше, т.е. скорее в 1999 г., чем в 2003 г.

География голосования за «Единую Россию» является весьма устойчивой. Коэффициент корреляции с выборами 2007 г. составил +0,90, с выборами 2003 г. +0,79. Просматривается связь с голосованием за бюрократические «партии власти» 1990-х годов — с НДР образца 1995 г. (+0,64) и ОВР в 1999 г. (+0,50). Интересно отметить, что с «Единством» образца 1999 г., которое как раз не являлось бюрократической партией, голосование за «Единую Россию» не связано (–0,08). О существенных изменениях географии лояльного и оппозиционного голосования по сравнению с 1990-ми годами свидетельствует наличие пусть очень слабой, но положительной связи между голосованием за «Единую Россию» и КПРФ образца 1995 г. (+0,17). Уровень связи аналогичен тому, который рассчитан для голосования за сегодняшнюю КПРФ и эту же партию в 1995 г., что соответствует тенденции, когда правящий режим стал апеллировать к патерналистски настроенным слоям, перехватывая их у КПРФ.

Таким образом, электоральная география России в 2000-е годы изменилась особенно заметно в отношении голосования за КПРФ. География поддержки ЛДПР складывается с середины 1990-х годов, как с тех же пор складывалась география конформистского голосования. Новым и неустойчивым феноменом 2000-х годов является голосование за «Справедливую Россию». У этой партии самая слабая связь с голосованием за нее же на предыдущих выборах (хотя и существенная на уровне +0,71), а тем более с голосованием за предшественников (корреляционная связь с «Родиной» составляет +0,51).

Рассмотрим факторы голосований, позволяющие объяснить его территориальную структуру. Наш анализ выборов 2011 г. показывает, что феномен «экономического» голосования, обусловленного социально-экономическим положением территории и ее населения, в России практически отсутствует. Он отмечался в 2007 г., но финансовый кризис привел к его исчезновению, ликвидировав связь между поддержкой власти и восприятием экономического положения.

Корреляционный анализ результатов выборов 2011 г. показывает, что показатели бедности не связаны с голосованием за «Единую Россию», «Справедливую Россию» и ЛДПР и имеют очень слабую положительную связь с голосованием за КПРФ (+0,14). Причем эти результаты изменились по сравнению с 2007 г., когда уровень бедности слабо коррелировал с голосованием за «Единую Россию» (+0,27) и находился в отрицательной, но тоже слабой связи с остальными партиями (–0,21 для КПРФ, –0,19 для «Справедливой России» и –0,30 для ЛДПР). Более бедные территории на выборах 2007 г. вели себя лояльно в отношении властей, а в 2011 г. стали смещаться в сторону голосования за левую оппозицию. Модель конформистского поведения бедных территорий после кризиса в связи, вероятно, с неудовлетворенностью ожиданий, стала меняться на модель прокоммунистического оппозиционного голосования.

В то же время сохраняется, хотя и ослабевает, положительная связь между голосованием за «Единую Россию» и уровнем безработицы. В 2007 г. корреляция составила +0,64, в 2011 г. +0,49. Для остальных партий она является отрицательной. Таким образом, все равно нет четкого ответа на вопрос, кому благоприятствует социальное благополучие территорий. Ясно лишь то, что опора на бедные периферии, ставшая следствием трансформации политического режима в 2000-е годы, становится для «Единой России» менее устойчивой и надежной.

Попытка провести анализ связи между голосованием и социально-экономической динамикой дает еще меньше результатов. Можно предположить, что ухудшение ситуации в связи с финансовым кризисом привело к росту оппозиционных настроений. Но электоральная география этот тезис не подтверждает. Мы пытались обнаружить корреляцию между динамикой ВРП и индексом заработной платы в предвыборный год с голосованием за партии, но значимых связей не выявили. Для сравнения приведем следующие данные. В 2007 г. факторы социально-экономической динамики на голосование влияли, причем позитивно для «партии власти»: индекс среднедушевых доходов положительно, хотя и слабо коррелировал с голосованием за «Единую Россию» (+0,22), а отрицательная корреляция характеризовала голосование за ЛДПР (-0,34) и «Справедливую Россию» (-0,25) при отсутствии значимой связи с голосованием за КПРФ. Для голосования за «Единую Россию» более благоприятными были бедные регионы, но отличающиеся позитивной динамикой.

Следует обратить внимание на наш вывод о том, что введенная федеральными властями оценка эффективности органов исполнительной власти субъектов Федерации не имела никаких политических последствий в виде улучшения электоральной ситуации для «партии власти». Анализ подведенных недавно итогов 2010 г. не выявил никаких значимых связей между обобщающими оценками эффективности и голосованием. В то же время исследование социологических данных, входящих в эту оценку, позволяет выявить одну важную корреляцию, хотя и довольно слабую. Речь идет об удовлетворенности граждан работой региональной исполнительной власти. Данный показатель положительно коррелирует с голосованием за «Единую Россию» (+0,26) и имеет отрицательную корреляцию с прочими партиями, особенно с КПРФ (-0,29).

«Объективные» социально-экономические показатели и их динамика полностью утратили свое влияние на голосование избирателей к моменту выборов 2011 г. На первый план вышли «субъективные» факторы, и в частности, личный авторитет региональных руководителей (многие из них играли роль «паровозов» в избирательной кампании «Единой России»). Слабость

«социально-экономических» объяснений электорального поведения в России не является новостью: в 1990-е годы мы тоже отмечали весьма ограниченные корреляционные связи [Туровский, 1999]. В таком случае возникает вопрос, какие же факторы и по каким причинам стали определять голосование в регионах. Один из них — авторитет губернаторов. Незадолго до выборов произошла замена многих региональных руководителей, по итогам которой и в связи с приходом малоизвестных, непубличных фигур общественная поддержка губернаторов продолжила снижаться, что нашло свое отражение в ухудшении результатов «партии власти». Можно предположить рост влияния конъюнктурных и локализованных факторов, связанных с организационными усилиями партий в регионах, информированностью граждан об их деятельности. В данных условиях напрашивается вывод об аморфности электорального пространства, если оно стало столь зависимым от локальной конъюнктуры.

Обращает на себя внимание возрождение регионализма в России. Прослеживается усиление зависимости голосования от географического положения той или иной территории в системе культурных регионов, центров и периферий, размежевания между городом и селом. Традиционный раскол «город — село» опять стал играть большую роль. Только разница в том, что на выборах 1995 г. доля сельского населения коррелировала с голосованием за КПРФ, а теперь село стало политически лояльным. Корреляция голосования за «Единую Россию» с долей сельского населения выглядит солидной (+0,57), тогда как самой «городской» партией стала ЛДПР (−0,55), в меньшей степени — «Справедливая Россия» (−0,47). Периферализация голосования за «Единую Россию» определяется отмеченным выше ростом влияния конъюнктурных факторов, поскольку на селе информационное поле является менее насыщенным, а организационные ресурсы «Единой России» мощнее. В сельских районах, где другие партии ведут интенсивную работу, результаты могут быть совершенно иными.

Возрождение регионализма выражается в лучше структурированной карте с ее делением на электоральные районы. Например, поддержка «Справедливой России» в большей степени тяготеет к регионам Севера Европейской части России. Поддержка ЛДПР тоже характерна для Севера, а также для Дальнего Востока. Голосование за КПРФ отличает регионы Центральной России, южные территории Урала, Сибири и Дальнего Востока. «Единая Россия» черпает поддержку в национальных республиках, а также в сырьевых регионах, завязанных на топливно-энергетический комплекс. Кроме того, голосование за «Единую Россию» проявляется во многих южных аграрных регионах в Европейской части России. Напротив, наименьшей лояльностью отличаются Север Европейской части России, Центральная Россия (за рядом

исключений), крупные промышленные центры Урала, Сибири и Дальнего Востока. Весьма значимым стало этническое размежевание, в связи с которым доля русского населения отрицательно коррелирует с голосованием за «Единую Россию», а положительно в наибольшей степени — с голосованием за ЛДПР.

Таким образом, после пиковых показателей развития электорального авторитаризма в 2007 г. структура российского электорального пространства вновь начинает усложняться, оказываясь в примерно равной зависимости от «базисных» и конъюнктурных факторов, т.е. от основных социально-географических размежеваний и организационных ресурсов партий на местах.

Литература

Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. 2008. Январь-февраль.

Туровский Р.Ф. Политическая география. М.; Смоленск, 1999.

Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / ed. by A. Schedler. Boulder, Colorado, 2006.

Jones M., Mainwaring S. The Nationalization of Parties and Party Systems: An Empirical Measure and an Application to the Americas // Party Politics. 2003. Vol. 9. No. 2. P. 139–166.

Molinar J. Counting the Number of Parties: An Alternative Index. American Political Science Review. 1991. Vol. 85. No. 4. P. 1383–1391.

Sartori D. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge, 1976.

Turovsky R.F. Party Systems in Post-Communist States: New Trends and Bifurcations // Paper presented at International Congress of Central and Eastern European Studies. Stockholm, 2010. 25–31 July.

В работе использованы официальные статистические данные Центральной избирательной комиссии РФ (www.cikrf.ru), Росстата (www.gks.ru) и Министерства регионального развития (www.minregion.ru).